

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

В.В. Петухов ПРЕДСТОЯЩИЕ ВЫБОРЫ И ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

В России, как и в любой другой стране мира, парламентские выборы, а уж тем более выборы главы государства — это возможность подвести итоги развития страны, осмыслить проблемы, с которыми она сталкивается, сформировать цели и задачи на будущее. Потребность в этом, несмотря на то, что времени до следующих выборов еще много, становится все более отчетливой. Процессы, происходящие в обществе, особенно последние пять–шесть лет, дают пищу для самых разных интерпретаций и оценок.

Судя по исследованиям ВЦИОМ и других социологических центров, в российском обществе последние годы действуют по меньшей мере две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, это преодоление всеобъемлющего кризиса, в том числе социально-психологического. Страхи, которые довлели над страной 10–15 лет назад — распада страны, гражданской войны, экономического коллапса и т.д., — остались в прошлом. Заметно снизилась угроза терроризма, а "чеченский фактор" постепенно перемещается на периферию общественного внимания.

В последние годы достаточно быстрыми темпами шло формирование среднего слоя. Сегодня к нему, по разным оценкам, можно причислить от 30% до 40% занятого населения страны, а по самооценкам, эта доля еще выше. Если в 1999 г. по уровню материального положения относили себя к среднему слою чуть более трети россиян (37%), то сегодня — 59% (рис. 1).

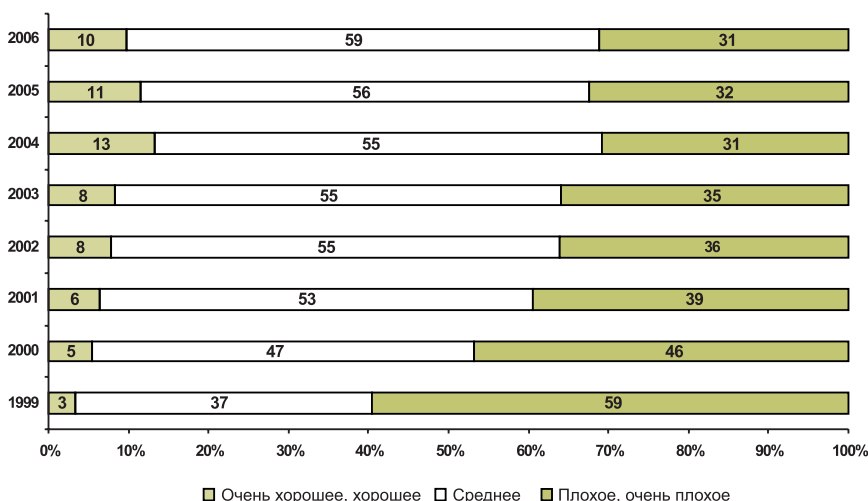
Заметно возросла доля россиян, которые могут позволить себе приобрести вещи длительного пользования; по сравнению с 1999 г. их стало больше в 3 раза (рост с 4% до 12%), а тех, кто не испытывает проблем с обеспечением своей семьи продуктами и одеждой, — в 2 раза (рост с 21% до 42%).

Безусловно, это еще не средний класс в общепринятом смысле. Тем не менее его численность и влияние на общественную жизнь постоянно увеличиваются. Еще недавно бытовавшее мнение в некоторых российских и зарубежных экспертных кругах о России как стране бедных, инертных людей, у которых доминируют патерналистские установки и ориентации, не соответствует действительности. У нас по-прежнему много бедных и еще больше малообеспеченных. Но, похоже, уходит в прошлое позорный для любой цивилизованной страны тип бедности — здоровых, образованных, а главное много работающих людей — учителей, врачей и других бюджетников.

ПЕТУХОВ Владимир Васильевич — кандидат философских наук, директор по исследованиям ВЦИОМ.

Рисунок 1.

«Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи?»

Одновременно все более определенной становится контртенденция, являющаяся оборотной стороной тех общественных перемен, которые произошли в стране за последние 5–6 лет. Политическая и социальная стабильность не воспринимается значительной частью населения, прежде всего молодежью, как приоритетная ценность, а выход страны из экономического кризиса резко повышает планку общественных притязаний, главным образом, активных слоев населения.

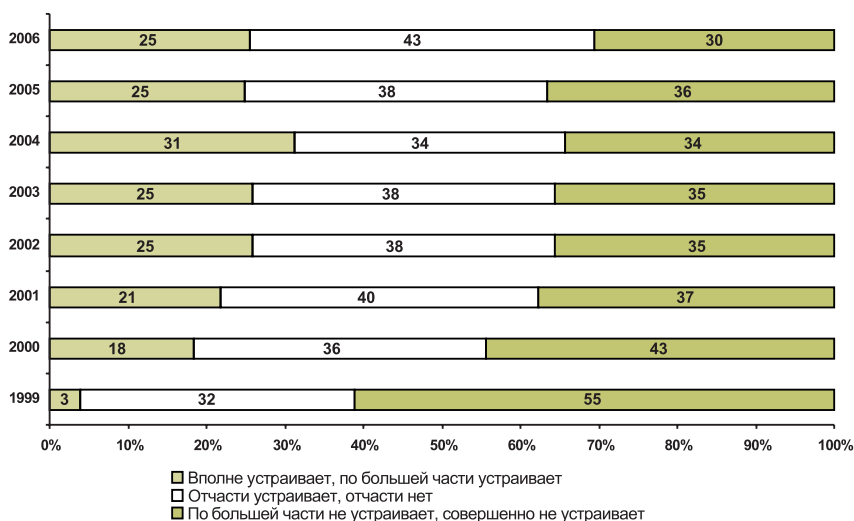
Как результат, основные индикаторы социального самочувствия россиян (адаптированность к переменам, уровень материального положения, оценка своих перспектив на будущее) либо остаются неизменными, либо демонстрируют позитивную динамику, а показатели уровня удовлетворенности жизнью практически не растут. Более того, по сравнению с 2004 г., когда на второй срок был избран президент В. Путин, эти показатели даже несколько снизились (рис. 2).

Иначе говоря, динамика общественных ожиданий начинает обгонять динамику экономических и социальных перемен. Но дело не только в этом. Резкое увеличение числа людей, способных к активному потреблению, причем не только товаров, но и качественных услуг, застало врасплох нашу государственную систему, прежде всего ее социальные институты, которые не в состоянии удовлетворить "возрастающие потребности трудящихся". Большинство предлагаемых сегодня государством социальных услуг — либо откровенно низкого качества, либо не доступны по цене даже для людей со средним достатком. Все менее доступными становятся не только качественное жилье, но и качественные медицинские и образовательные услуги, отдых и многое другое.

Неслучайно ситуацию в сфере образования как скорее хорошую оценивают 39% россиян, как плохую — 53%, в сфере здравоохранения 29% и 67% соответственно, а в жилищной сфере ситуация в глазах общества выглядит и вовсе провальной. Со знаком плюс ее оценивают 15% опрошенных, со знаком минус — 78%.

Рисунок 2.

«В какой мере Вас устраивает та жизнь, которую Вы ведете?», %

Ход реализации национальных проектов, по крайней мере пока, не смог переломить ситуацию. Среди видимых позитивных сдвигов респонденты отмечают в основном материально-технические аспекты реализации этих проектов (улучшение финансирования поликлиник, больниц, школ; поставку оборудования, техники и т.п.). Гораздо скромнее оцениваются такие аспекты, как, например, рост доступности медицинской помощи, повышение качества обслуживания пациентов в больницах и поликлиниках и т.д. Скажем, сегодня в Москве и некоторых других городах даже за большие деньги крайне сложно обеспечить хорошее лечение и уход за пожилым человеком или устроить ребенка в детский сад. Ситуация с обманутыми «дольщиками» — лишь часть айсберга, когда, казалось бы, вполне благополучные граждане, которые много работают, неплохо зарабатывают, но тем не менее не в состоянии решить проблем «кидалова» с жильем. В этом же ключе следует рассматривать бум потребительского кредитования, который в каком-то смысле является оборотной стороной сложностей с «инвестициями в будущее» для очень многих, а также отсутствие у большинства россиян сберегательных стратегий. Даже те, у кого есть свободные средства, в большинстве своем стремятся тратить их либо откладывать, что называется, на черный день. Одна из причин — кризис доверия, начиная от финансовых институтов и заканчивая большинством государственных органов. Жить сегодняшним днем, не строя планов на будущее, — и есть главный симптом такого недоверия.

Все это говорит о том, что приближающиеся парламентские и особенно президентские выборы вряд ли будут «легкой прогулкой» как для российского правящего класса, так и для оппозиции. Острота и напряженность многих стоящих перед страной проблем, прежде всего социальных, не снижается. Причем, судя по результатам исследований, россияне достаточно определенно разводят круг общенациональных проблем, которые важны для страны в целом, и проблемы, актуализированные в личном плане.

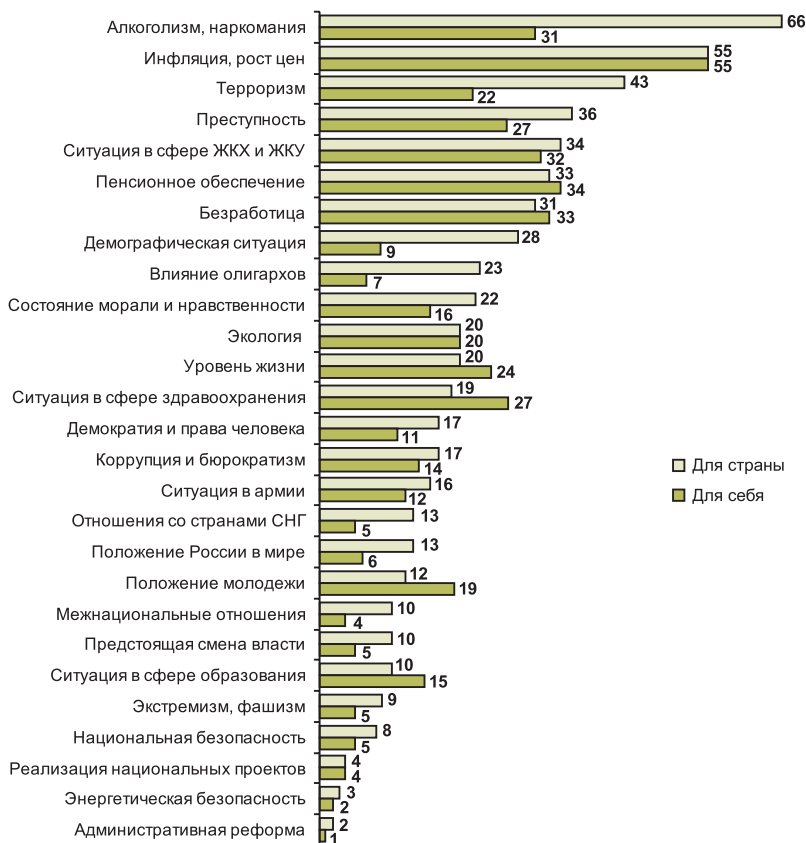
Так, наибольшую тревогу для страны в целом вызывают такие проблемы, как рост алкоголизма и наркомании (66%), инфляция и рост цен (55%), тер-

роризм и преступность (43% и 36% соответственно). В личном плане россиян беспокоят прежде всего все та же инфляция (55%) и, кроме того, пенсионное обеспечение (34%), безработица (33%) и ситуация в сфере жилищно-коммунального хозяйства (32%). От 24% до 27% опрошенных тревожат ситуация в сфере здравоохранения, преступность и снижение уровня жизни. Алкоголизм и наркомания, рассматриваемая россиянами как проблема национального характера номер один, в личном плане беспокоит в 2 раза меньше опрошенных. То же можно сказать о терроризме и таких проблемах, как влияние олигархов на экономическую и политическую жизнь страны, состояние морали и нравственности и некоторых других (рис. 3).

Таким образом, в обществе есть понимание того, что в стране существуют проблемы, которые, возможно, напрямую не затрагивают каждого отдельного человека, но тем не менее влияют на состояние дел в России в целом, на социально-психологическое состояние ее граждан, не решив которые очень трудно двигаться вперед. Многие из этих проблем носят застарелый характер, и позитивные сдвиги в их решении пока не просматриваются. Исследования показывают, что проблемы, беспокоящие наших сограждан, находятся в прямой зависимости от того, насколько, по их мнению, меняется

Рисунок 3.

«Какие из нижеперечисленных проблем Вы считаете наиболее важными для страны в целом/ для себя лично?», % (не более семи вариантов ответа)

ситуация в той или иной сфере российской действительности. И здесь респонденты настроены крайне критично. Лишь по двум позициям отмечается превышение положительных оценок над отрицательными: положение России в мире и реализация национальных проектов. По всем остальным негативные оценки преобладают, причем наибольшее ухудшение фиксируется в связи с ростом цен, алкоголизмом и наркоманией, преступностью, состоянием морали и нравственности, ситуацией в сфере ЖКХ и экологией. По всем этим позициям ухудшение отметили более половины опрошенных (рис. 4).

Тот факт, что с большим отрывом в перечне проблем, волнующих население, лидирует инфляция (то же самое мы наблюдали в 2003 г. накануне предыдущих парламентских и президентских выборов), является отчетливым сигналом власти, что ее действия по повышению жизненного уровня населения практически нивелируются ростом цен на различные товары и услуги, тарифов, ростом стоимости жизни в целом. Такое положение воспринимается крайне болезненно всем обществом, но в первую очередь низкодоходными группами населения. В частности, рост цен на товары и услуги в качестве наиболее тревожной проблемы называют сегодня 58% респондентов, оценивающих свое материальное положение как плохое. Тарифы ЖКХ волнуют практически все группы и слои населения, как и проблема наркомании и алкоголизма, беспокоящая в равной степени представителей самых разных социальных групп — молодежь и пожилых, бедных и состоятельных, высоко- и малообразованных.

Рисунок 4.

«Как, на Ваш взгляд, изменилась ситуация в нижеприведенных сферах жизни и проблемах за последние 5 лет?», % (один вариант ответа по каждой позиции)

□ Ухудшилась □ Улучшилась ■ Не изменилась □ Затрудняюсь ответить

Особо следует отметить обеспокоенность многих россиян, причем в личном плане, проблемой безработицы. Это несколько неожиданно, учитывая, что даже на пике экономического кризиса 90-х годов безработица в России не достигала критического уровня. К началу 2006 г. она составляла, по данным Госкомстата, 1 млн. 830 тыс. человек (официально зарегистрировавшихся на биржах труда), т.е. чуть больше 1% взрослого трудоспособного населения. Понятно, что есть еще скрытая, латентная безработица, заметно превышающая этот показатель. В целом, по данным того же Госкомстата, число безработных в стране с учетом как зарегистрированных, так и незарегистрированных безработных составляет 5 млн. 200 тыс. человек. Примерно такое же соотношение фиксируют и данные последних опросов ВЦИОМ. Среди неработающих россиян, составляющих сегодня 44% населения страны, доля безработных сравнительно невелика — 11% (из них 3% зарегистрированных и 8% незарегистрированных). Чем же тогда объясняется обеспокоенность многих наших сограждан этой проблемой? Здесь несколько причин: во-первых, несмотря на экономический рост, число безработных в стране если и сокращается, то незначительно; во-вторых, сравнительно невысокий уровень безработицы резко увеличивается в отдельных социальных группах и слоях. Так, среди жителей села более половины не имеет постоянной работы, то же можно сказать и о поселках городского типа. Высок уровень латентной безработицы в Южном федеральном округе и прежде всего в республиках Северного Кавказа. И в-третьих, пожалуй, главная причина состоит не столько в отсутствии работы, сколько в боязни ее потерять или не найти, если речь идет о молодежи. Неслучайно самый высокий уровень опасений по поводу безработицы демонстрируют молодежь в возрасте 18–24 лет (42%) и женщины-домохозяйки (53%) среднего и старшего возраста, для которых проблема трудоустройства представляет серьезную проблему.

Несколько ослабла обеспокоенность россиян угрозой терактов, так как за последние два года в России (после бесланской трагедии) масштабных терактов не происходило, меньше стала интересовать чеченская проблема. Проблемы, широко обсуждаемые в настоящее время российской и зарубежной элитой, — ослабление позиций России в мире, охлаждение отношений нашей страны с Западом, ограничение демократических прав и свобод — внимание россиян привлекают гораздо меньше. Для страны в целом проблемы демократии и места России в мире актуализированы для 17% и 13% опрошенных. В личном плане — для 11% и 6% соответственно.

Тот факт, что проблема демократии мало актуализирована в массовом сознании, многими аналитиками интерпретируется по-разному. Одними — как возвращение политического процесса в свои "естественные пределы", когда демократические институты и процедуры становятся частью повседневности, а политическая жизнь уже не вызывает экзальтированного интереса, характерного для драматических, переломных моментов жизни нации. Для других такая стабилизация символизирует только новый застой и стагнацию общественной активности, отказ масс от ценностей демократии и ее институтов.

Истина, как всегда, лежит посередине. Несомненно, давно прошли те времена, когда политические баталии вызывали неподдельный интерес, а лидеры политических партий были кумирами миллионов. Появилась и получила признание "частная жизнь". Граждане получили свободу выбора между участием и неучастием в политике. Воспользовавшись этим правом, большую

часть своей жизненной энергии они направляют на работу, образование, семью, детей, ближний круг, творчество, досуг и т.п.

При этом у россиян с перестроечных времен укоренилась приверженность к таким ценностям и институтам, как наличие свободы слова и СМИ, свободы выбора, предпринимательства, свободы передвижения и т.п. Сохранилось и позитивное отношение к демократии как к оптимальной и самой передовой модели общественного устройства. И все это несмотря на то, что ее становление происходило отнюдь не в тепличных условиях распада СССР, войны на части территории страны, террористических атак, экономического кризиса и т.д. Учитывая это, нельзя не признать мифом тезис о якобы отторжении российской почвой демократических ценностей и институтов, существующей между Россией и Западом "ценностной пропасти", и т.д.

Однако политический и социальный опыт прошлых лет научили россиян видеть разницу между нормативной моделью демократии (что и как должно быть) и тем, какие формы она обрела в нашей стране. Результатом стала "прагматическая селекция", т.е. отбор слагаемых демократии, которых в наибольшей степени недостает большинству наших соотечественников. Это либо те слагаемые, в которых есть реальная заинтересованность, либо те, которые в последнее время оказались в дефиците.

Прежде всего сюда относится весь комплекс социально-экономических прав и свобод; равенство всех граждан перед законом, независимость суда; возможность политического самовыражения и высказывания мнений. В массовом сознании укоренилось представление о демократии как такой системе организации общественной жизни, которая призвана обеспечить, во-первых, законность и правопорядок и, во-вторых, реализацию социально-экономических прав людей.

Ни того ни другого наша демократия сегодня, по мнению респондентов, не обеспечивает. И поэтому, оценивая практическую реализацию "российского демократического проекта", они далеко не так строги, как некоторые зарубежные и близкие к ним внутренние наблюдатели, но достаточно критичны. Лишь 15% опрошенных полагают, что Россия уже стала демократической страной. 37% считают, что "переходный период" еще не завершен, но мы уже близки к цели. А 33% придерживаются той точки зрения, что наша страна сегодня так же далека от демократии, как и во времена СССР.

При этом, вопреки широко распространенному мнению, "искушением" авторитаризмом Россия уже переболела в середине — конце 90-х, а еще раньше — пережила испытание "повседневностью", когда люди, принявшие демократию на ура, идеализировавшие ее, испытывали настоящий шок по мере того, как она трансформировалась в реальность. Сегодняшнее российское общество волнуется совсем другое, а именно — наполнение демократии новым социальным, этическим и правовым содержанием.

Итак, если говорить о повестке дня будущей избирательной кампании, то почти наверняка, наряду с проблемами уровня и качества жизни, проблемами в отдельных областях и сферах жизни общества (здравоохранение, образование и т.д.), в центре внимания окажется проблема преодоления высокого уровня социальной дифференциации, противоречия между богатыми и бедными.

Разрыв между доходами бедных и богатых в России остается по-прежнему огромным. Доходы 10% самых состоятельных россиян в 7 раз превышают совокупный доход самых бедных слоев населения. К такому выводу при-

шли, например, эксперты Всероссийского центра уровня жизни (ВЦУЖ). Сегодня, по данным этого центра, россияне, чьи доходы не превышают прожиточного минимума, составляют 13,4% населения. Но на долю этих граждан приходится всего 3% доходов. А самых высокообеспеченных у нас в стране 7,8%, но в их карманах оседает более трети всех доходов россиян (табл.).

Эта ситуация беспокоит сегодня практически все слои и группы российского общества. В чрезмерной социальной дифференциации россияне видят главную угрозу демократии в стране. Так, только за последние два года с 30% до 45% увеличилось число тех, кто на первое место среди угроз демократическим завоеваниям ставит бедность населения, высокий уровень социальной дифференциации (рис. 5).

Таблица.

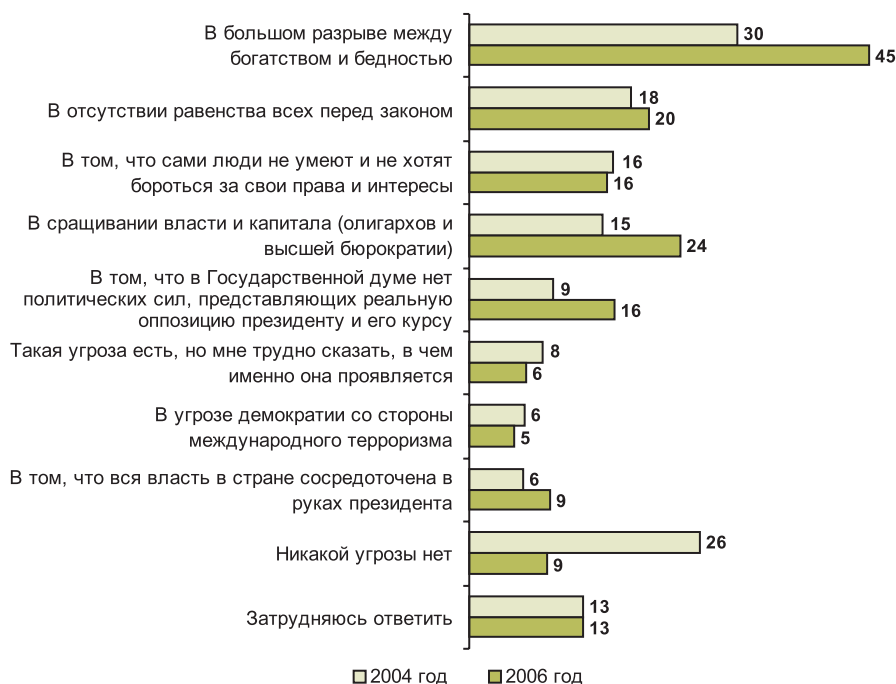
Динамика распределения доходов среди представителей различных имущественных групп российского общества

Социальные группы	2006 г.	Распределение доходов по группам, %			
	Доля от общего населения, %	1990 г.	2004 г.	2006 г.	2008 г. (прогноз)
Бедные	13,4	0,4	4,7	3,0	2,1
Низкообеспеченные	28,4	8,5	18,0	13,4	10,2
Среднеобеспеченные	50,4	76,6	59,4	57,8	54,4
Высокообеспеченные	7,8	14,5	17,9	25,8	33,3

Источник: Всероссийский центр уровня жизни.

Рисунок 5.

«Многие в последнее время заговорили об угрозе отхода России от демократических завоеваний. Если Вы считаете, что такая угроза есть, то в чем она проявляется?», %

Это противоречие не трансформировалось в острый классовый конфликт, поскольку у нас практически нет прямых форм эксплуатации наемных работников "капиталистами". Скорее наоборот, уровень зарплат и социальный пакет в частном секторе, как правило, выше, чем на государственных предприятиях и уж тем более в бюджетной сфере. Неправильно сводить это противоречие к материально-имущественной стороне дела как проявление неприязни бедных, малоимущих к своим более успешным согражданам. Россияне, называя противоречие между богатыми и бедными в качестве определяющего, возможно, интуитивно, но очень четко фиксируют новые линии социального противостояния, социокультурного раскола — между культурой, образом жизни "социальных верхов" и культурой массовой, "срединной". "Куршевельский казус" высветил эту проблему со всей определенностью. Россияне, прежде всего средние слои, тратя массу жизненной энергии на поддержание сносных условий жизни для себя и своих семей, шокированы сверхгедонистским образом и стилем жизни новой российской элиты, болезненно переживают и обращают к власти недоуменный вопрос: как в нашей пока еще очень бедной и далеко не самой развитой стране может происходить такое? В любом демократически организованном обществе консенсус по поводу принципов гражданской морали (civic morality) является необходимой предпосылкой для нормального функционирования общества, а законопослушание и следование общепринятым моральным ценностям — одной из важнейших предпосылок социальной обильности и успешных практик.

В России все чаще проявляется обратная зависимость, что многим представляется аморальным и несправедливым. Отсюда — синдром растущего недоверия, который охватывает самые разные области и сферы жизни, начиная от финансовых институтов, государственных органов и общественных организаций и заканчивая уровнем межличностного общения. Жить по принципу "вы нас не трогайте, и мы вас трогать не будем", организовывать в своем непосредственном окружении социально-экономические ниши, в которых можно чувствовать себя более-менее комфортно, — это и есть одно из проявлений такого недоверия. Интерес значительной части населения к общественной и политической жизни страны, востребованность легальных форм политического участия год от года снижается. Самое тревожное здесь — это падение интереса к выборным механизмам легитимации власти. Параллельно идет процесс деидеологизации общества, который порождает ситуацию идейного вакуума, что, в свою очередь, может создать и уже создает предпосылки для широкого и быстрого распространения радикальных идеологических воззрений.

Следующей по остроте и значимости проблемой современной российской действительности, которую вряд ли удастся обойти в ходе предстоящих выборов, является проблема возрастающего напряжения между обществом и властью, прежде всего чиновничеством. Высокий уровень поддержки президента страны не должен вводить в заблуждение. В массовом сознании президент не является частью власти, он — над ней, олицетворяя "хорошее государство", которое вместе с обществом противостоит коррумпированному чиновничеству, неприязнь к которому начинает затмевать неприязнь к олигархам. Ситуация усугубляется еще и тем, что высшее чиновничество и крупный бизнес уже начинают восприниматься обществом как закрытый, оторванный от национальной почвы анклав постсоветской элиты, которая тем не менее определяет настоящее и будущее страны. Неслучайно, в иерархии угроз вторую позицию занимает процесс сращивания высшей бюрократии и

олигархии. Причем и в данном случае заметно растет доля россиян, считающих именно так. В 2004 г. их было 15%, в 2006 — 24%.

Многочисленные попытки борьбы с коррупцией, создание специальных антикоррупционных ведомств и комиссий пока не приносят существенных результатов. По мнению ряда исследователей феномена российской коррупции (Г. Сатаров и др.), она приобрела системный характер, и ее невозможно победить чисто административными мерами. Это сложный, многофакторный процесс, в значительной степени определяемый и неэффективностью нынешнего российского государства, особенностями общественного менталитета и политической культуры. Кроме того, меняющиеся социально-экономические и политические условия жизни общества постоянно обновляют "коррупционное поле" социальных взаимодействий, вводя в него новые действующие лица — объекты и субъекты коррупции. Причем лишь единичные факты коррупции становятся достоянием общественности, что, в свою очередь, приводит к мифологизации этого социального явления.

Общество рассчитывало, что Путину удастся "равно удалить" как олигархов, так и чиновников. Надежды на это оправдались лишь отчасти, так же как и надежды на решительное наступление на бедность. Несмотря на возросшие экономические возможности государства, в России никто, в том числе и президент, всерьез не ставил вопрос о формировании того, что принято называть "обществом всеобщего благосостояния" или "обществом равных возможностей", как о цели посткоммунистической трансформации России. В. Путин ограничился паллиативным вариантом "национальных проектов", которые сами по себе, безусловно, являются шагом вперед, но не могут стать сверхидеей, которая могла бы консолидировать общество. Между тем идея общего блага востребована в России во все времена, в том числе и в настоящее время. Концепт "общества всеобщего благоденствия" и соответствующая ему практика актуальны для России еще и потому, что позволят преодолеть последствия как "командного социализма", так и "дикого капитализма" 90-х, хотя бы в какой-то степени легитимировать базовые принципы рыночной экономики. Ни для кого не секрет, и это подтверждают все опросы, что сложившаяся в стране экономическая система воспринимается населением как чуждая и глубоко не справедливая.

Критические аргументы, согласно которым во многих странах Западной Европы "общество всеобщего благосостояния" усиливает иждивенческие патерналистские настроения, вряд ли применимы к современной России. Возможно, лет через 30–40, когда уровень доходов и социальной защиты населения приблизится к европейским образцам, можно всерьез начать разговор об издержках "социального государства".

Наконец, третья группа проблем связана с ситуацией в сфере международных отношений и ростом радикализма и экстремизма. Только за последний год в стране было совершено несколько громких преступлений на почве национальной, религиозной и политической неприязни, получивших широкую огласку и острую реакцию общественности. Причем рост экстремизма происходит на фоне заметного улучшения экономической и социальной ситуации в стране. Это говорит о том, что современная Россия уже не может быть отнесена к странам, экстремизм в которых напрямую детерминирован политической нестабильностью и экономическим и социальным кризисом, он во все большей степени начинает определяться факторами, традиционно присущими развитым странам и вытекающими из самой природы любого развитого

капиталистического общества. Прежде всего — неравенством экономического распределения, когда люди винят в своих социальных несчастьях богатей, инородцев и т.д. Сказывается и то, что в "переходных обществах", где нет устоявшейся системы ценностей, где люди разобщены и предоставлены самим себе, где крайне сложно провести демаркацию между действительным стремлением, скажем, к свободе, равенству, национальному или религиозному возрождению и — откровенно экстремистским действиям.

Не случайно подавляющее большинство россиян весьма смутно представляют себе, что такое политический экстремизм и от кого он, собственно, исходит. Например, рядовому обывателю становится все труднее разобраться в хитросплетениях российской политики в том плане, что некоторые известные российские общественные деятели, еще недавно считавшиеся если не экстремистами, то яркими оппонентами радикального толка, сегодня переходят на сторону действующей власти и президента В. Путина, становясь чуть ли не главными его апологетами (А. Проханов и А. Дугин). И, напротив, многие оппоненты политиков-демократов называют последних то экстремистами и фашистами, то их прямыми пособниками (например, М. Касьянова, Г. Каспарова, Г. Явлинского, И. Хакамаду и др.) В результате "публика" пребывает в полном недоумении. Все труднее провести грань между "фашистами" и некоторыми молодежными провластными "антифашистскими" организациями. И те и другие создают боевые отряды и зачастую заимствуют радикальные методы борьбы друг у друга. Это неизбежно приведет и уже отчасти приводит к ползуцей легитимации насилия как способа политической борьбы.

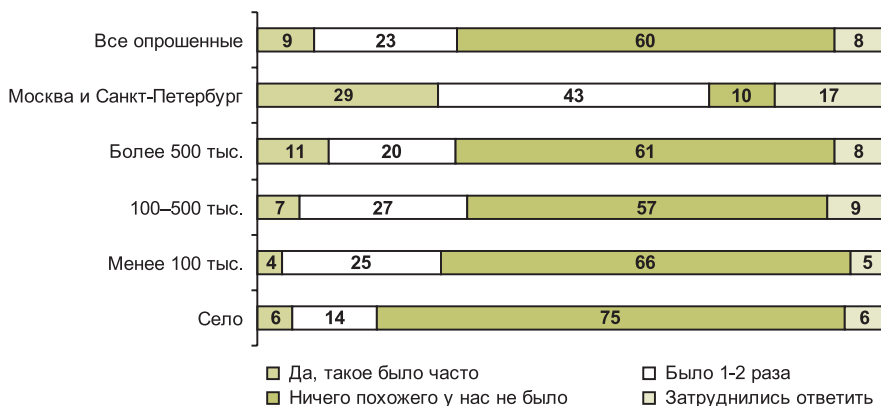
Но главная опасность, безусловно, исходит от стихийного немотивированного и практически никак идеологически не окрашенного экстремизма людей, доведенных до отчаяния, как это было в Кондопоге. Эти события отчетливо продемонстрировали, что в России возможны стихийные бунты, особенно когда социальное недовольство трансформируется в межнациональную рознь. Последние исследования показывают, что зоной повышенной национальной напряженности, являются мегаполисы и крупные индустриальные центры, а отнюдь не небольшие провинциальные города. Стихийные выступления чаще происходят не там, где уровень недовольства выше, а там, где мало или нет совсем возможностей канализировать его в легитимные формы, что называется, "докричаться до властей" (рис. 6).

Спонтанность, неорганизованность, стихийность многих протестных выступлений крайне опасны. Особенно когда стихийное недовольство сочетается с отторжением значительным числом граждан легитимации власти через выборные процедуры. В этих условиях некоторые эксперты не исключают возможности использования экстремистских организаций в качестве "подручного средства" в случае, если начнутся схватки и драки внутри элиты, если правящая верхушка не сможет договориться по какому-то существенному вопросу.

Тем не менее вероятность такого рода сценария сравнительно невелика. Можно с большой долей уверенности прогнозировать, что избирательные кампании 2007–2008 гг. будут проходить в принципиально иной общественной атмосфере, чем это было, например, в 1996 г. и в 2000 г., когда страна пребывала в глубоком экономическом кризисе, была политически и идеологически расколота, а "торговля страхом" являлась чуть ли не единственным орудием политической борьбы. Сегодня россияне очень трудно чем-то всерьез напугать или предложить повестку дня, которая большинству населения не интересна. Еще труднее вывести их на баррикады. Прежде всего потому,

Рисунок 6.

Были ли в Вашем населенном пункте столкновения на национальной почве за последние 2–3 года?, % (один вариант ответа)

что запрос на стабильность сегодня даже более актуален, чем три года назад накануне предшествующих президентских выборов (рис. 7).

Скорее можно опасаться отсутствия заметного интереса активной дееспособной части общества к перипетиям межпартийной борьбы и, соответственно, низкой явки на парламентские выборы. А те, кто на выборы все же придет, скорее всего, будут голосовать по прагматическим основаниям и руководствоваться оценкой социально-экономической ситуации в стране, действий властей, включая президента и той партии, которая эту власть представляет в настоящий момент. Иными словами, избиратели при голосовании будут исходить из довольно простой альтернативы: если при действующей власти им жилось хорошо и то, что происходило в стране, им импонирует, они проголосуют за правительственную партию или не пойдут на выборы, если нет — то проголосуют за оппозицию либо опять же на выборы не пойдут.

Рисунок 7.

«В настоящее время существуют различные взгляды на решение стоящих перед страной социальных и экономических задач. Какие из них в наибольшей степени отвечают вашим представлениям?», %

The article analyses the situation in social and economic spheres, the main problems facing the population, especially low income, poverty, social inequality, and offers forecasts how these problem will affect the upcoming elections.